

Глава 1

К своим пятнадцати годам я уже была настоящей сорвиголовой: опускала голую руку в бочку с извивающимися угрями, не раз забиралась на самые высокие холмы Сан-Франциско и даже не брезговала ночными прогулками по кладбищам. А сегодня... Сегодня я пробегусь по облакам!

Воздушный шар Тома — «Летающий остров» — величественно качается над нами, похожий на облако, пойманное в сеть. Совершив множество одиночных полетов, Том наконец-то согласился с тем, что это практически безопасно. И вот сейчас он берет меня с собой! Я нежно поглаживаю бамбуковую корзину, едва не вырывающую из земли колышки, которые ее удерживают. «Летающий остров» нетерпеливо рвется в облака. И я, конечно, тоже сгораю от азарта!

Том стоит около корзины и с важным видом бывшего воздухоплователя пытается оценить силу ветра с помощью высунутого языка. Неровный клочок волос у него на голове, слава богу, начинает отрастать. Не то чтобы парень неудачно постригся... Просто, когда он в конце концов согласился украсть для меня из следующей партии растений, присылаемых его отцу из Китая, луковицу редчайшей чилийской *пуйи*¹,

¹ Чилийская пуйя — редчайшее растение, произрастает в Андах и достигает гигантских размеров, имеет острые шипы. — *Примеч. пер.*

я настояла, чтобы он выстриг себе прядь волос, подкрепив таким образом свое обещание.

— Ветер сильнее, чем я ожидал, — бормочет Том, задумчиво глядя на пустынные холмы, входящие в расположение форта Пресидио.

Мы по привычке общаемся друг с другом на английском, потому что в школе нам запрещали говорить на родном кантонском².

— Ветерок едва уловим, как дыхание ребенка! Ты же не станешь искать вторую причину, чтобы...

— Нет! — Он обрывает меня, и его гладкий лоб прорезают морщины. Однако это не портит его: Том красив, даже когда волнуется или злится. — Я уже знаю и третью, и четвертую!

Я слегка вздрагиваю при слове «четвертую». Том стоит неподвижно и смотрит на меня в упор. Я никогда не говорила, что недолюбливаю цифру четыре, за которой тянется череда моих неудач. И ему известно, что я посмеиваюсь над суевериями моей матери, предсказательницы судеб. Он просто дразнит меня.

Но сегодня никакие цифры не возьмут надо мной верх! Я заставляю себя улыбнуться:

— Не для того мы два часа накачивали воздушный шар, чтобы продолжать топтаться на земле!

Рано утром в апреле все-таки холодно, и я еле сдерживаю дрожь, кутаясь в стеганую куртку. Да, легкий ветерок действительно есть. Но мы же договорились: просто вверх и вниз. Десять минут парения и наслаждения горными вершинами — и все!

Переносная печка с крышкой-воронкой через шланг подает горячий воздух вверх, в купол. Он раздувается и потрескивает. Я сама сейчас лопну от долгого ожидания и любопытства — летим скорее!

² Один из диалектов китайского языка. — *Примеч. пер.*

Том наклоняется и подбрасывает в печку угля. Делает он это особенным инструментом, который смастерил сам: с одного конца — небольшая лопатка, а с другого — гаечный ключ. Этим ключом Том плотно запирает дверцу топки.

— Перестань прыгать! Корзину сломаешь! — кидает он мне.

— Не волнуйся! Из такого бамбука делают клетки для тигров. Вряд ли я опаснее тигра.

— Ты просто сама себя не знаешь.

Как бы не так!

— Ну чтобы иметь собственный бизнес, надо стать если не тигром, то хотя бы акулой.

— Только не кусайся! — Улыбка слегка касается губ Тома, и у меня екает сердце.

После того как мама сопоставила наши гороскопы и сочла, что мы — отличная пара, Том почему-то изменился и стал улыбаться мне намного реже.

Я улыбаюсь ему в ответ, но его лицо уже опять серьезно. Он неспешно поправляет кепку и надевает перчатки, снова облизывая губы, словно пробует ветер на вкус.

Пути назад нет!

Том поддевает лопаткой первые колышки.

— Отойди от каната и, ради бога, ничего не трогай! Не прикасайся ни к чему на моем «Острове»!

— Ну хоть стоять-то в нем можно?

Том недовольно рычит. Освобожденный от следующего колышка, «Летающий остров» резко дергается. Выдернув последний, мой друг с ловкостью акробата запрыгнет в корзину, и мы взмоем вверх. Меня бросает в жар при одной только мысли о том, что совсем скоро я окажусь с ним наедине в тесной корзине устремившегося ввысь шара.

Шелковое облако над головой слегка кренится. Может, я все-таки недооценила ветер? Сложив руки за спиной, смотрю на вентиль шланга, регулирующий подачу горячего воздуха в купол.

Том буравит меня своими глазами цвета тикового дерева.

— Я кое-что забыл, — заявляет он. — Сейчас вернусь. Не трогай ничего, понятно? Воздушного змея помнишь?

— Даже если забуду, ты снова напомним!

В августе прошлого года он смастерил для меня воздушного змея цвета алого пиона и предупредил, чтобы не отпускала того слишком далеко. Но я все разматывала и разматывала нить, пока она не оборвалась и змей не скрылся из виду где-то над Тихим океаном.

Том бежит к своей телеге, запряженной лошастью его отца — тяжеловозом Винтером, — и быстро скрывается за соснами. Что он мог забыть? Мы же загрузили все: инструменты, веревки и даже имбирь в карамели — на случай возможной тошноты.

Шелковое облако наклоняется еще больше.

— Том! «Остров» сейчас совсем сдуется!

Но ветер уносит мои слова в сторону.

Я судорожно ерошу волосы. У меня все еще болят руки от того, что я долго держала ткань купола, пока мы его надували. Если он сейчас сдуется, нам придется отложить полет. И, увы, надолго: отец ждет меня в прачечной к восьми, а отец Тома вообще очень редко дает сыну возможность отлучиться из магазина, где тот помогает торговать травами и семенами.

Том не появляется. Да, я обещала ему ничего не трогать. Но, думаю, в этой ситуации он меня поймет.

Я осторожно прикасаюсь к вентилю шланга. Тот горячий. Но я все же медленно кручу его — и вот купол снова раздувается и трещит. Ха! Проще пареной репы!

Однако в следующий момент корзина взмывает вверх: слишком много горячего воздуха в шаре! Я отчаянно пытаюсь вернуть вентиль в исходное положение, но, не устояв, падаю — шар держится всего на четырех последних кольшках, и один из них вырывается из земли!

Опять четыре!

— Ай! — только и успеваю вскрикнуть я, цепляясь за борт корзины. И тут с ужасом вижу, как из земли выскакивает еще один кольшек, затем другой... В отчаянии я снова хватаюсь за вентиль, но вместо того, чтобы закрутить, попросту вырываю деталь из муфты. Из последних сил пытаюсь вставить вентиль на место, кручу, кручу... но ничего не получается. Последний кольшек вылетает как пробка из бутылки шампанского — и теперь «Остров» подвластен только ветру.

Шар поднимается все выше и выше.

Я держусь за борт корзины в отчаянной борьбе за жизнь. В голове проносится: «Прыгай!» Но шар удаляется от земли слишком быстро, и вот я уже лечу над лесом и вижу с высоты телегу Тома и его рядом.

— Том!..

Он смотрит вверх, видит меня и... теперь его очередь хвататься за голову!

Том бежит, складывает руки рупором и что-то кричит мне, но ветер уносит слова в сторону. Он грозит мне кулаком. Неужели угрожает?! Его движения хаотичны, он в панике. Я никогда не видела своего друга таким.

Шар резко наклоняется набок — и сердце у меня уходит в пятки. Я смотрю вниз на живописный пейзаж с искаженным горизонтом. Но теперь, когда от земли меня отделяет более сотни футов, мне не до наслаждения красотами. С кольца, удерживающего купол в сетке, свисают концы канатов, однако я не решаюсь прикоснуться к ним — на такой высоте любая ошибка может стать роковой.

О нет! Я еще не готова отправиться в мир иной!

Прощай, мать-земля! Надеюсь, ты будешь помнить, что я всегда убирала за собой и не вырыла в тебе ни одной напрасной ямки. Прощай, милый Том! В Чайна-тауне не очень много девушек, но ты с твоим добрым сердцем и феноменальным умом легко покорешь любую из них. Только, пожалуйста, не эту миниатюрную Линг-Линг, которая вздыхает по тебе с пятого класса...

Ко мне подлетает стая громко галдящих чаек, и меня опять сковывает ужас: они сейчас продырявят купол!

— Кыш отсюда, летающие крысы!

«Остров» качается и дергается, меня вот-вот стошнит, а надоедливые чайки так и не отстают.

Я никогда всерьез не думала о религии. И сейчас, наверное, уже поздно... Отец — католик, а мать придерживается более традиционных для нашей культуры взглядов — буддизма и даосизма, приправленных щедрой щепоткой конфуцианства, по правде говоря больше похожего на философское течение, чем на религию. На Востоке каждый составляет для себя собственный коктейль из религиозных догм и убеждений. И никому нет дела, кто какие ингредиенты

использует. Главное — чтобы этот коктейль у тебя был. И желательно добавить побольше имбиря и...

Имбирь! Он же у меня в кармане! Пытаясь открыть проклятую коробку, я просыпаю бóльшую часть драже, но мне все же удается достать пару штук, которые я, со всей силы замахнувшись, запускаю в чаек. Хлопанье десятков крыльев, пронзительные визги... и вот наконец они улетают.

Я чуть не плачу от радости и облегчения. Так, одной проблемой меньше. Что дальше? И вдруг я замечаю канат, который Том важно называет гайдропом. Может, он станет моим якорем? Я хватаю его и перекидываю через борт корзины.

«Остров» резко вздрагивает, когда веревка разматывается до конца.

Сначала не происходит ничего. Но примерно через минуту шар перестает вращаться и подниматься выше, но и не падает. Корзина дрейфует на высоте примерно ста пятидесяти футов над землей. Меня неспешно относит на запад. Я уже четко различаю светлые домики колледжа Святой Клары для девочек. Мысль о том, что я увидела его за несколько секунд до смерти, вызывает у меня мимолетную иронично-горькую усмешку.

Новый день окрасил небосвод всеми оттенками розового и желтого.

Мама сейчас, наверное, варит *джук*³ и не сомневается в том, что я пошла с Томом по грибы. Мой брат Джек, скорее всего, протирает окна. А потом он пойдет в Восточную государственную школу.

³ Традиционная рисовая каша на бульоне с добавлением зелени и ягод годжи, часто подаваемая на завтрак в Китае. — *Примеч. пер.*

Нет, я обязана выжить во что бы то ни стало! Луковица пуйи должна была стать нашим билетом в счастливую жизнь!

— Мы могли бы свить гнездышко как можно дальше от Чайна-тауна! Я уже все продумала! — обезумев от безнадежности, кричу я куполу «Острова».

Один из канатов сильно бьет меня по голове, и я тут же хватаюсь за него, чтобы устоять на ногах. Канат натягивается, и купол слегка сдувается. Вот он — момент истины! И вот почему Том показывал мне кулак: надо тянуть за канаты!

Я осторожно заглядываю внутрь купола и хоть с опаской, но все же снова натягиваю канат. Корзина начинает вращаться, а потом опускается на несколько футов. Я падаю как подкошенная.

Корзина дергается и подпрыгивает, но я не осмеливаюсь смотреть вниз — боюсь выпасть. Как только у меня перестает кружиться голова, снова заглядываю внутрь купола. Оттуда свисают три каната. Взяв себя в руки, я осторожно натягиваю другой канат — и вот корзина вращается уже в противоположном направлении.

— Молодец, теперь не двигайся. Ты просто умница! — доносится до меня голос Тома откуда-то из-под корзины.

Я опять чуть не плачу от радости.

— Том! — что есть силы кричу я.

Не прошло и минуты, и вот он уже стоит одной ногой в корзине и распутывает канаты, высвобождая меня. Я едва удерживаюсь, чтобы не броситься ему в ноги.

— Ты молодец! Выкинула гайдроп, и я смог поймать его. Видишь, вот так ты тянешь — и шар резко спускается.

Еще пара мгновений, и вот мы оба на земле, а вокруг нас — шелковое молочно-белое море, в которое превратился сдутый купол шара. Том помогает мне встать, и я крепко обнимаю его, дрожа всем телом. Тепло и непоколебимость, исходящие от него, вмиг прогоняют все мои страхи, снова вселив надежду. Я в состоянии, близком к эйфории. Если бы я могла только представить себе, что мой ужасный полет закончится в объятиях Тома, я бы повторила его еще тысячу раз!

— Прости меня, — бормочу я. — Надо было послушаться тебя и ничего не трогать.

— Нет, это ты меня прости! Нельзя было оставлять тебя одну.

На мгновение мне кажется, что его взгляд полон тревоги. И я искренне надеюсь, что она глубже, чем просто дружеская. Но лицо Тома очень быстро вновь принимает присущее ему бесстрастное выражение. Он осторожно отстраняет меня. И тут меня осеняет!

Стараясь, чтобы это прозвучало не как упрек, я осторожно спрашиваю:

— А что ты забыл-то? Зачем возвращался?

Он молча засовывает руку в карман и вынимает нечто бесформенное.

— Похоже на сморщенную мошонку, — говорю я, разглядывая ее — луковицу пуйи.

Том краснеет как рак, а мой смех звенит, словно рассыпавшаяся горсть золотых монет.

Вот он — наш билет в счастливую жизнь!

Глава 2

Окна нашей двухкомнатной квартиры открыты настежь, и я слышу протяжные голоса уличных торговцев ритуальными принадлежностями: «Джосс!.. Красные конверты!.. Поминальная карамель!..»⁴ Значит, сегодня в три часа опять похороны. Хотя в Чайна-тауне уличная торговля идет круглые сутки.

Я в тысячный раз мысленно благодарю христианского Бога — Иисуса, а также всех своих предков за то, что сегодня моим родителям не придется покупать ничего подобного.

Том уж точно не проболтается о наших утренних приключениях. Он вообще никогда и никому не рассказывает о моих проделках. Том молчал как рыба, и когда я застряла почти на самой верхушке электрической мачты, и когда уговорила его искупаться вместе в океане и мы едва смогли выплыть на берег... Он, конечно, каждый раз ругает меня, но, в принципе, довольно отходчив.

У меня за спиной сидит мой братишка Джек и, громко сопя, учится подшивать края полотенца.

⁴ В Китае существует множество самобытных похоронных ритуалов. Например, перед могилой покойного сжигают так называемый джосс — муляж денег. Считается, что это поможет покойному быть богаче в ином мире. По окончании поминок семья усопшего раздает всем присутствующим красные конверты с монетой, что символизирует переход от траура к дальнейшей счастливой жизни. Примерно тот же смысл несет разноцветная карамель, которой вместе с красными конвертами одаривают всех присутствующих. — *Примеч. пер.*

Мама этого не одобряет, но отец все равно считает, что парню пора приобщаться к семейному бизнесу, а мелкий ремонт текстиля тоже входит в перечень услуг нашей прачечной. Джек, кряхтя, завязывает узелок и с гордостью показывает мне свое «произведение искусства».

— Отлично! Только ты пришил полотенце к своим шортам, вот здесь!

— О нет! Опять?! — В отчаянии он хлопает себя по лбу.

Я закрываю лежащую у меня на коленях «Книгу для начинающих бизнес-леди» и прошу Джека встать со старого сундука, на котором он примостился, чтобы я могла положить эту драгоценность туда, где мы храним все наши «сокровища».

На прошлое Рождество, уже после того как меня уволили (я подметала на кладбище и ухаживала за могилами), директор кладбища Лорел-Хилл, мистер Мортимер, подарил мне эту книгу. Именно ее я всегда брала в кладбищенской библиотеке.

Джек настороженно смотрит, как я достаю из сундука наше очередное «сокровище» — подробную карту Сан-Франциско, последнее издание — тысяча девятьсот шестого года. Я осторожно расстилаю ее на бетонном полу.

— Мы отправимся в путешествие в начале этого месяца.

Джек начинает рыться в сундуке. Наконец с грохотом достав жестяную коробку из-под чая, он вылавливает из нее нашу волшебную монетку. Каждый месяц отважные пираты, Грозная Мёрси и ее неизменный спутник Черный Джек, бросают волшебную монетку на карту Сан-Франциско — так они выбирают следующий пункт для исследования.

Джек бережно протирает монетку краем своей рубашки.

— Теперь моя очередь кидать! — настойчиво говорю я и протягиваю руку.

Как правило, для меня это не принципиально, но сейчас мне важно совершить бросок таким образом, чтобы монетка упала на северную часть города.

— О! Смотри-ка!

— Ч-что там, Мёрси? — слегка заикаясь от волнения, спрашивает Джек.

— Похоже, нам пора навестить шоколадный бутик дю Лаков.

Автор «Книги для начинающих бизнес-леди», миссис Лоури, утверждает, что залогом успеха ее ранчо — самого крупного в Техасе — стала не только настойчивость, но и образование, полученное ею в стенах Рэдклифф-колледжа. Всего лишь один здешний колледж может дать мне образование подобного уровня. И волею судьбы дорога к нему пролегает мимо шоколадного бутика.

У Джека загораются глаза: даже несмотря на мое жуткое французское произношение, он понял, куда мы отправляемся. И ему знаком этот волшебный вкус с той самой поры, как в прошлом месяце я подарила ему плитку превосходного шоколада.

— Побежали! — кричит Джек и выбегает из комнаты, даже не подумав убрать на место карту и оторвать полотенце от шорт. Я оставляю короткую записку маме, которая ушла разносить готовые заказы.

И вот уже мы с Джеком несемся по узким улочкам Чайна-тауна. Брат подгоняет меня, чуть не выпрыгивая из штанов от нетерпения. Мы минуем квартал ресторанчиков, полный развевающихся треугольных желтых флажков, и бежим дальше, иногда

прямо по клумбам с нарциссами. Китайские фонарики раскачиваются под карнизами больших зданий и маленьких домиков. Именно они вдохновили Тома на создание «Летающего острова».

Отец Тома, которого я называю А-Шук (что по-китайски означает «дядя»), всегда видел в сыне травника и ботаника, но сам Том мечтает о небе и интересуется всем, что летает, — от мотыльков до парашютов. Он с детства хотел присоединиться к Армейскому воздушному корпусу. Но его мечты разбились в тот день, когда он узнал, что это подразделение давно расформировано. Как только братья Райт запустили в небо первый самолет, Том тут же написал Орвилю Райту письмо с просьбой взять его к себе в ученики. Но, увы, так и не получил ответа...

Джек оглядывается на меня:

— *Фай-ди!* Давай быстрее!

— Только по-английски, Джек!

Сегодня нам нужно быть американцами до мозга костей, такими же, как сам американский президент Теодор Рузвельт! Ведь как только люди чувствуют, что перед ними иностранец, они теряют к нему доверие и ни о каком бизнесе уже не может быть и речи.

— И слушай, я бегу как могу! Эти проклятые туфли...

Возможно, надеть мамины туфли было не лучшей идеей, но миссис Лоури подчеркивает, что людям приятно иметь дело с высокими собеседниками. Чем человек выше ростом, тем больше доверия он внушает. А на этих каблуках я такая высокая — почти метр шестьдесят! Эх, на ногах опять вздуются мозоли... Мимо нас по бульвару Слот с характерным

дребезжанием проносится канатный трамвай. Вско-
чить бы в него! Но проезд стоит никель⁵ с носа,
а у меня в кармане только один пятак.

— Чем дольше ждешь, тем слаще шоколадка, —
важно говорю я брату.

Он обиженно складывает губы бантиком и на-
конец перестает нервно потирать свои липкие ладошки.
У меня до сих пор слезы наворачиваются на глаза,
когда я вижу его кривые пальцы — так учитель на-
чальной школы пытался выбить (в прямом смысле
этого слова) из него заикание. А заикание Джека —
это последствие прививки от чумы, которую насиль-
но сделали всем нам несколько лет назад по приказу
городских властей.

*Так будет не всегда. По крайней мере, я сде-
лаю все, что в моих силах. Однажды перед нами
откроется карта мира, и мы станем бросать
на нее монеты горстями.*

Жена пекаря стоит в проеме «Пекарни номер
девять». В руках у нее вентилятор. Этим нехитрым
способом она пытается заманить прохожих, уловив-
ших аппетитные запахи свежей выпечки. Вообще
в культуре Китая число девять символизирует бес-
конечность, поэтому оно часто появляется в разных
названиях как залог процветания семейного бизнеса.

Завидев нас, она хмурится и бормочет вслед:

— Большие щеки...

Она всегда ненавидела меня за мое вольнодумство.
То ли дело ее дочка Линг-Линг, которая сидит себе
целыми днями тише воды ниже травы в их пекарне
и предлагает всем свежие булочки.

⁵ Обиходное название для монетки в пять центов (*англ.* — nickel). — *Примеч. ред.*

Я делаю над собой огромное усилие и молча пробегаю мимо, направляясь к Монтгомери-стрит — основной улице, идущей вдоль пляжа Норт-Бич.

По щекам и скулам у нас определяют характер человека. Чем больше щеки, тем более властный человек, а чем скуластее лицо, тем самоуверенней и амбициозней считается его обладатель. Сильно выраженные скулы достались мне в наследство от мамы, и я горжусь ими, хотя бытует мнение, что мужчины инстинктивно опасаются и сторонятся женщин с такими скулами.

Может, поэтому Том ведет себя так странно? Мы выросли, что называется, в одной песочнице, и то, что впереди нас ждет брак, не подлежало никаким сомнениям. По крайней мере, так думала я. Будь я не так настойчива, Том, наверное, больше верил бы в наш счастливый союз. Хорошему аптекарю-травнику нужна подходящая жена: такая примерная девушка без особых амбиций.

Продолжая мысленно спорить с Томом и его родней, я чуть не наступаю в лужу.

Джек нетерпеливо крутит свободной рукой, изображая пропеллер, в надежде, что так мы быстрее добежим до шоколадного бутика.

Черт возьми, он же порвет свою куртку, ставшую ему тесной! Полотенце, которое Джек от излишнего усердия прихватил к своим шортам, бьет его по коленке при каждом шаге. Я одергиваю брата, чтобы он двигался медленнее. Понятно: А-Шук угостил Джека своим знаменитым тонизирующим чаем из пяти трав, но все-таки перевозбуждение нам сейчас ни к чему.

— Как ты думаешь, там шоколадки такие же вкусные, как та, что ты мне подарила? — спрашивает он.